

Александр Восьмой

Книга 1: Тьма над Мазараком

18+

Александр Восьмой

Книга 1: Тьма над Мазараком

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 1: Тьма над Мазарак / А. Восьмой — «Автор», 2026

Раньше в стране Мазарак работали за 120100 рублей по 8 часов, но теперь в стране Мазарак все стали самозанятыми и им стали платить 30100 рублей за 12 часов работы, многие ушли гибнуть на войну, а другие стали бомжами. Правительство страны Мазарак закрыло всем рты, ведь по одиночке им легче ломать людей, чем в группе. Девушки стали сидеть в телефонах и смотреть пропаганду, девушки не хотят работать, они ищут мужчин которые будут их обеспечивать. Главный герой Чеполах находит девушку, которая не работает, но у неё трое детей от разных мужчин, и она мечтает что бы Чеполах работал на благо её семьи, а сама девушка Виолета не хочет работать, но заставляет Чеполаха содержать троих её детей от разных мужчин.

Александр Восьмой

Книга 1: Тьма над Мазараком

Глава 1. Тень восьмого часа

Солнце Мазарака застыло в зените, будто кто-то прибил его гвоздями к небу. Оно не садилось ровно в восемь, как раньше, — теперь оно вообще не садилось. Время треснуло по швам, и полдень превратился в бесконечную рану, из которой сочилась усталость.

На опустевших улицах тикали сломанные часы, и каждый их щелчок звучал как приговор. Двенадцать часов работы сливались в один нескончаемый миг, в котором растворялись голоса, мечты и даже имена. Люди выходили из цехов не как рабочие, а как тени самих себя — «самозанятые», словно это слово было клеймом, выжженным на коже. Триста одна сотка — столько теперь стоила человеческая жизнь: ровно столько платили за то, чтобы человек перестал быть человеком и стал шестерёнкой в машине чужого спокойствия.

Чеполах шёл по бульвару, где ещё недавно цвели липы, а теперь торчали голые, почерневшие стволы, похожие на кости. Ветер гнал по асфальту обрывки старых объявлений и пустые чеки. Где-то вдаль гудел заводской гудок — он звучал уже не как сигнал к началу или концу смены, а как похоронный звон по целой эпохе.

У полуразрушенной остановки сидела Виолета. Она прижимала к груди потрёпанный телефон, экран которого мерцал ядовитым светом, будто заманивая в ловушку. На коленях у неё дремал младший ребёнок, двое других бродили неподалёку, ковыряя носками ботинок трещины в асфальте.

Когда Чеполах подошёл ближе, Виолета подняла глаза — в них не было ни боли, ни стыда, только холодная уверенность человека, который давно принял правила новой реальности.

— Ты ведь можешь работать, — сказала она тихо, но в этом шёпоте слышался приказ. — У меня трое детей. Им нужно есть. Ты справишься.

Слова падали на плечи Чеполаха, как камни. Он хотел возразить, сказать, что сам едва держится на ногах, что его силы на исходе, что мир рушится вокруг них обоих. Но вместо этого он лишь кивнул — потому что в Мазараке спорить с тишиной стало опаснее, чем спорить с властью.

А солнце всё стояло в зените. И тень восьмого часа, которая когда-то звала людей домой, теперь кралась за каждым шагом, обещая, что домой никто не вернётся.

Глава 2. Дорога на войну

Поезд шёл сквозь серую мглу, будто прогрызал себе путь сквозь самую тишину. Вагоны скрипели, как старые кости, а в узких окнах мелькали лица — одинаково пустые, будто у всех разом стёрли память о том, кем они были до этого рейса. Никто не кричал, не плакал, не спрашивал, куда их везут. Вопрос сам по себе стал преступлением — а за преступления в Мазараке платили не деньгами, а жизнью.

Билет в один конец стоил дешевле буханки хлеба. Правительство называло это «контрактом свободы» — и слово «свобода» теперь звучало как насмешка, острая и холодная, как лезвие. Те, кто не влез в вагоны, оседали в подворотнях, под заборами, в заброшенных подъездах — растворялись в городе, словно их никогда и не было. А те, кто влез, исчезали чуть позже — но уже там, на востоке, где земля глотала шаги и не отдавала имён.

Чеполах стоял на перроне, сжимая в кармане смятую бумажку — не билет, а приговор, замаскированный под договор. Рядом шептала Виолета, её голос был тихим, но твёрдым, как приказ:

— Ты должен поехать. Там платят. Там ты сможешь нас прокормить. Трое детей, Чеполах. Ты же не бросишь их?

Он смотрел на неё и видел не лицо, а отражение города: холодное, расчётливое, привыкшее выживать любой ценой. Экран её телефона мерцал в полумраке, будто подмигивал: «Всё правильно. Так надо». Пропанганда шептала из динамика, убаюкивая совесть, превращая страх в покорность.

Гудок разорвал воздух — резкий, безжалостный, как удар хлыста. Вагоны дрогнули, и поезд, тяжело вздохнув, пополз вперёд, унося с собой сотни теней, которые ещё недавно были людьми. Кто-то в тамбуре обернулся — на мгновение в его глазах мелькнуло что-то живое, какое-то отчаянное «прости», но дверь захлопнулась, и тень растворилась в темноте.

Челолах шагнул вперёд — не потому, что хотел, а потому, что остановиться значило упасть. А упасть в Мазараке было всё равно что исчезнуть навсегда.

Поезд набирал ход, увозя его прочь от города, где солнце не садилось, а часы не шли. И с каждым метром дорога становилась не просто путём — она становилась ловушкой, из которой не было возврата.

Глава 3. Карман, набитый тишиной

Город больше не шумел — он замер, будто затаил дыхание и ждал, когда кто-нибудь осмелится его нарушить. Улицы стали коридорами страха: каждый шаг отдавался эхом, и эхо это звучало как предупреждение. Двери захлопывались слишком резко, окна темнели слишком рано, а в воздухе висела такая густая тишина, что её можно было потрогать — она цеплялась за плечи, тянула вниз, заставляла опускать глаза.

Правительство Мазарака не тратило силы на крики и запреты — оно научилось убивать шёпотом. Достаточно было оставить человека одного, дать ему услышать собственный страх, и страх сам делал всю работу. Толпы рассыпались на одиночек, а одиночки — на тени, которые старались не смотреть друг на друга. Ведь если посмотреть — можно увидеть, что ты не один такой. А быть не одним — стало опаснее, чем быть бедным, голодным или уставшим.

Челолах шёл по переулку, где раньше торговали горячим чаем и старыми книгами, а теперь стояли пустые прилавки, словно надгробия над умершей жизнью. В кармане у него лежала смятая бумажка — счёт за жильё, который рос быстрее, чем убывали силы. Каждый рубль теперь был не деньгами, а каплей крови, выжатой из души.

На углу, под тусклым фонарём, сидела Виолета. Телефон в её руках светился, как маяк в тёмной бухте, только этот маяк не звал к спасению — он заманивал в ловушку. На экране мелькали лица дикторов, говоривших так уверенно, будто мир и правда был в порядке, будто всё, что нужно, — это просто найти того, кто будет тянуть лямку за тебя.

— Ты опять ничего не принёс, — сказала Виолета, не поднимая глаз. Голос её звучал не зло, а буднично, как будто речь шла о погоде. — Дети хотят есть. У нас кончается сахар.

Челолах хотел сказать, что сахар кончился у всего города, что в магазинах теперь продают только тишину и обещания, что он сам держится на одной надежде, а надежда в Мазараке стоила дешевле воздуха. Но слова застряли в горле — не потому, что их нельзя было сказать, а потому, что они были бы бесполезны. Здесь слова не спасали. Здесь спасало только молчание.

Он сунул руку в карман и нащупал там пустоту, набитую тишиной. Эта тишина была тяжелее любого груза: она давила на плечи, сжимала грудь, шептала, что всё бесполезно, что один человек ничего не может, что лучше просто делать, что говорят, и не задавать вопросов.

Где-то вдалеке снова загудел заводской гудок — теперь он звучал как голос города, который просил о помощи, но никто не смел обернуться. Потому что обернуться — значит услышать. А услышать — значит сломаться.

Челолах сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль была настоящей — и это было единственное, что ещё доказывало: он жив. Пока он чувствует боль, он не тень. Пока он помнит, что тишина может быть громче крика, у него ещё есть шанс.

Но город слушал не его. Город слушал тишину. И тишина становилась всё громче.

Глава 4. Девушки со стеклянными глазами

Улицы Мазарака мерцали неоновым светом, но он не гнал тьму — он делал её гуще, плотнее, будто раскрашивал мрак в ядовитые оттенки. В каждом кафе, на каждой скамейке, в каждом проёме подъезда сидели они — девушки со стеклянными глазами, прикованными к экранам. Телефоны светились, как маленькие алтари, перед которыми они приносили в жертву своё время, свою силу, свою свободу.

Экраны шептали им сладкие, липкие слова: «Ты достойна лучшего», «Пусть он старается — ты просто будь красивой», «Работа — это для тех, кто не умеет выбирать». Пропаганда текла из динамиков, как густой сироп, и оседала в сознании, превращая мечты в список требований. Они не хотели быть рабочими, не хотели быть самозанятыми, не хотели вообще ничего хотеть — они хотели, чтобы кто-то другой взял на себя тяжесть мира. И ждали. Ждали того, кто придёт и сделает их жизнь тёплой, пока сами не сделали ни шага.

Виолета сидела на подоконнике полуразрушенного дома, свесив ноги в пустоту улицы. Её телефон мерцал, как живой, будто сам диктовал ей, что думать и чего желать. На коленях дремал младший ребёнок, двое других играли внизу, швыряя камешки в тёмную лужу, в которой отражалось не небо, а только обрывки света и чужие обещания.

— Ты опять задержался, — сказала Виолета, не отрывая глаз от экрана. Голос её звучал отстранённо, будто она разговаривала не с Чеполахом, а с кем-то внутри телефона, кто подсказывал правильные слова. — У нас нет денег даже на хлеб. Ты должен найти работу. Хорошую работу. Чтобы мы могли жить нормально.

Чеполах стоял в дверях, чувствуя, как холод подъезда пробирается под кожу, цепляясь за усталость, которая уже стала частью его тела. Он хотел сказать, что «хорошая работа» в Мазараке — это сказка, которую рассказывают тем, кто ещё верит в счастливый конец. Что за 30 100 рублей за 12 часов работы люди не живут — они выживают, теряя по крупице себя каждый день. Что война забрала тех, кто мог бы бороться, а остальные научились молчать, потому что крик теперь был роскошью, которую никто не мог себе позволить.

Но он молчал. Потому что знал: слова не пробьют эту стеклянную пелену, окутавшую Виолету. Она смотрела сквозь него, как сквозь витрину магазина, где всё есть, но ничего нельзя взять без денег. А денег не было.

Где-то вдалеке завывала сирена — резко, отчаянно, будто город наконец решился закричать. Но девушки даже не вздрогнули. Они продолжали смотреть в экраны, и в их глазах отражался не мир, а иллюзия, которую им продавали как счастье.

Чеполах шагнул ближе и осторожно положил на подоконник то небольшое, что у него было: смятую купюру и горсть железных монет, звякнувших, как последние капли дождя перед засухой.

— Это всё, что я смог, — тихо сказал он. — Завтра будет больше. Я найду способ.

Виолета наконец оторвала взгляд от телефона. В её глазах на мгновение мелькнуло что-то настоящее — усталость, боль, может быть, даже стыд. Но оно тут же исчезло, смытое волной новых уведомлений, новых обещаний, новых иллюзий.

— Этого мало, — прошептала она, и в этих словах не было злости — только холодная, привычная обречённость человека, который давно перестал верить в «завтра». — Нам нужно больше. Нам нужно, чтобы всё было хорошо. Прямо сейчас.

Город снова вздохнул — тяжёлым, хриплым вздохом, в котором слышались тысячи голосов, заглушённых тишиной. А стеклянные глаза девушек по-прежнему смотрели вперёд, туда, где свет экрана казался ярче, чем свет надежды.

Глава 5. Чеполах

Его имя звучало в опустевших переулках Мазарака как эхо, которому не откликались. Чеполах. На старом языке это значило «тот, кого всегда хватает на чужое» — будто судьба заранее знала, что на него будут вешать всё: чужие долги, чужие надежды, чужие беды. И он тянул. Тянул, пока жилы не натягивались, как струны, готовые лопнуть от одного неверного звука.

Двенадцать часов. Четырнадцать. Шестнадцать. Время в Мазараке больше не измерялось минутами — оно измерялось усталостью. Каждый час теперь стоил не денег, а кусочка души, и Чеполах отдавал их без счёта, потому что не знал другого способа доказать, что он ещё жив. Его спина гнулась под тяжестью дней, но не ломалась — пока. Он ещё верил, что выносливость — это сила. Он ещё не понимал, что есть сила куда страшнее: та, что ломает медленно, капля за каплей, слово за словом, взгляд за взглядом. И эта сила носила женское лицо.

Заводские ворота глотали его каждое утро, как пасть голодного зверя, и выплёвывали вечером — измотанного, но всё ещё цепляющегося за мысль, что сегодня он сделал достаточно. 30 100 рублей за 12 часов — эта цифра въелась в сознание, как клеймо. Не зарплата, а насмешка, тонкая игла, которой город прокалывал гордость и выпускал из неё воздух.

А потом он возвращался туда, где его ждали не объятия, а требования. Виолета сидела у окна, и её глаза, холодные и спокойные, будто принадлежали не человеку, а механизму, который знал только одну команду: «дай». Телефон светился у неё в руках, как талисман новой веры, и из него лились голоса, убеждавшие, что мир обязан, что мужчина должен, что слабость — это отказ тянуть лямку за двоих, за троих, за десятерых.

— Ты опять поздно, — говорила она, не глядя на него, будто он был не человеком, а деталью, которая должна появляться строго по расписанию. — Дети не могут ждать. Нам нужно больше. Всегда нужно больше.

Чеполах опускал глаза, чувствуя, как остатки гордости оседают пылью на ботинки. Он хотел сказать, что «больше» в этом городе не добывают трудом — его вырывают из себя по кускам. Что война забрала тех, кто мог бы кричать, а оставшиеся научились молчать, потому что крик теперь был преступлением. Что правительство Мазарака не просто закрыло людям рты — оно научило их стыдиться собственного голоса.

Но слова застревали в горле, тяжёлые и бесполезные. Они не могли пробить ту стеклянную стену, за которой жила Виолета, стена, построенная из обещаний, которые ей нашепывали экраны.

Он протягивал ей деньги — смятые купюры, пахнущие потом и отчаянием. Она брала их так, будто это была не плата за его труд, а долг, который он наконец-то начал отдавать. И в этом жесте было что-то страшнее крика, страшнее голода, страшнее самой войны: спокойное, будничное принятие того, что один человек может нести на себе тяжесть целого мира — и должен нести, потому что иначе мир рухнет. Или потому, что кому-то так удобнее.

Ночью, когда город затихал, превращаясь в кладбище несбывшихся надежд, Чеполах выходил на пустынную набережную. Ветер срывал с воды ледяные брызги и швырял ему в лицо, будто пытался смыть с него эту новую, незнакомую тяжесть — тяжесть не труда, а чужой правоты. Он смотрел на тёмную воду, в которой не отражалось ни звёзд, ни луны, только серая пустота, и шептал себе под нос старое слово, которое когда-то означало силу:

— Чеполах...

И в этом шёпоте слышался не вызов, а вопрос. Вопрос, на который город не собирался отвечать.

Потому что Мазарак уже решил: пусть тянет. Пусть хватает на чужое. Пока хватает.

Глава 6. Виолета

Разбитый фонтан давно не лил воду — только ржавые потёки стекали по его бокам, будто слёзы, застывшие на полпути. На скамейке у фонтана сидела Виолета. Она сидела так, будто

это место было тронем, а не куском облупившегося камня. Ветер теребил её волосы, но она не замечала — её взгляд был прикован к экрану телефона, который мерцал, как крошечное проклятие, обещая лёгкий путь и чужие плечи, на которые можно переложить тяжесть мира.

У её ног играли трое детей — трое маленьких загадок с разными лицами, разными глазами, разной кровью. Они бегали вокруг фонтана, швыряли камешки в сухие чаши, смеялись без причины и плакали без повода. Для Виолеты они были не детьми — они были узлами, которые кто-то другой должен был развязать. Не она. Она искала не работу — она искала человека. Того, кто станет топливом, тем, кто будет гореть, пока ей будет тепло.

Когда на аллее показался Чеполах, Виолета чуть приподняла голову — не от радости, не от тревоги, а от расчёта. В её взгляде скользнуло что-то хищное, но прикрытое тонкой вуалью усталости: мол, я столько вынесла, позволь мне просто отдохнуть.

— Ты пришёл, — сказала она, не спрашивая, а констатируя факт, словно его приход был не выбором, а обязанностью, записанной где-то в небесной бухгалтерии. — Дети проголодались. Опять ничего не было на обед.

Чеполах остановился, чувствуя, как последние крохи сил оседают где-то у подошв, смешиваясь с пылью Мазарака. В кармане у него лежала жалкая горсть монет — столько, сколько удалось сберечь после оплаты угла, в котором они теперь жили. Он знал: этого не хватит. Ни на хлеб, ни на тепло, ни на ту иллюзию спокойствия, которую Виолета принимала за счастье.

Младший ребёнок подбежал к нему, ухватился за штанину и доверчиво поднял глаза:

— Дядя Чеполах, у нас есть конфета?

Чеполах присел на корточки, стараясь не показать, как дрожат руки. Он провёл ладонью по вихрам мальчика, чувствуя под пальцами живое тепло — то самое, ради которого люди иногда продолжают идти, даже когда идти уже нечем.

— Сегодня без конфеты, малыш, — тихо сказал он. — Но я найду что-нибудь. Обязательно найду.

Мальчик на секунду замер, будто пытался понять, как это — когда «обязательно» не значит «прямо сейчас». Потом кивнул, будто принял этот взрослый язык, и снова убежал к фонтану, где старшие дети строили из камней шаткий замок — такой же хрупкий, как надежды их матери.

Виолета смотрела на эту сцену, и в её глазах не было ни вины, ни благодарности — только ожидание. Она верила в простую арифметику Мазарака: если один человек устаёт, другой должен работать вдвое сильнее. Пропаганда научила её, что слабость — это не отсутствие сил, а отказ просить. А просить она умела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.